

Мама и папа

Миша, Бублик и Хранитель Дедяного Сердца

Жаркий июльский день на бабушкиной даче внезапно оборачивается ледяной сказкой: соседний бор затягивает хрустальный иней, а река замирает под панцирем льда. Чтобы спасти родные места от вечного мороза, семилетний Миша и его верный корги Бублик должны разгадать три тайны лесного духа прежде, чем упадет последний золотой лист.

Жаркий июльский день на бабушкиной даче внезапно оборачивается ледяной сказкой: соседний бор затягивает хрустальный иней, а река замирает под панцирем льда. Чтобы спасти родные места от вечного мороза, семилетний Миша и его верный корги Бублик должны разгадать три тайны лесного духа прежде, чем упадет последний золотой лист.

Мама и папа · Миша, Бублик и Хранитель Ледяного Сердца

Мама и папа

Миша, Бублик и Хранитель Ледяного Сердца

*Нашему дорогому Мише в день седьмого дня
рождения.*

*Оставайся всегда таким же смелым,
добрым и любопытным исследователем
мира!*

*С бесконечной любовью,
мама и папа*

Содержание

1	Мороз посреди июля	3
2	Тайна сонной Быстринки	11
3	Тропа в Теневой Бор	18
4	Испытание хрустальной бурей.....	26
5	Огонек золотой ивы	32

ГЛАВА I

Мороз посреди июля

Сосновая кора пахла смолой и горячим июльским полднем. Миша сидел на прогретой ступеньке крыльца, старательно состругивая перочинным ножиком

лишний бок у щепки. Парус из прошлогоднего дубового листа уже лежал рядом, готовый к первому плаванию.

В двух шагах от него сладко посапывал Бублик. Корги развалился на спине, выставив к небу пушистое белое пузо, а его короткие лапки смешно подергивались во сне. Наверное, псу снилась гигантская сосиска величиной с садовую лейку. Одно лисье ухо Бублика лениво приподнималось всякий раз, когда мимо с басовитым гулом пролетал толстый шмель.

Миша ☆

Скрипнула дощатая дверь, разнося по двору сладкий дух ванили и спелой земляники. Бабушка Полина вынесла глиняное блюдо, на котором румянились пухлые горячие пирожки.

— Батюшки-светы, жара-то какая! — ласково пропела она, опуская блюдо на скамейку. Затем бабушка пригладила мягкой, пахнущей мукой рукой Мишины непослушные вихры и поцеловала его прямо в веснушчатый лоб. — Отдохни, Мишенька, касатик мой маленький. На вот, возьми берестяной туесок, набери малины у забора. Только за ка-

литку ни ногой, на речке Быстринке тебя миглом течением унесет!

Миша обиженно надул щеки и громко подсвистнул сквозь щербинку между верхними зубами.

— Бабушка, ну какой же я маленький! — возмутился он, сердито поддергивая рукава любимого шалфейного худи. — Я уже без пяти минут первоклассник! И корабль у меня готов, честное-пречестное! Исследователи не сидят в огороде, им нужно открывать новые острова!

↗ Бублик

Бублик при слове «пирожки» мгновенно перекатился на живот. Издав нетерпеливое сопение «пых-пых», он умильно завилал всем своим упитанным задом. Бабушка только покачала головой, сунула мальчику и собаке по теплomu пирожку и ушла в прохладную глубину дома.

— Ничего ты не понимаешь, Бублик, — проворчал Миша, закидывая пустой туесок на плечо. — Пошли за малиной. Но потом мы обязательно проберемся к воде, вот увидишь!

Они дошли до дальнего края сада, где колючие кусты клонились под тяжестью алых ягод. Полуденный зной звенел в ушах. Миша протянул руку к самой крупной ягоде, как вдруг шмелиное гудение оборвалось. Смолкли кузнечики в траве. Воздух вокруг сделался странным, стеклянным и колким, словно из открытой настежь дверцы морозильника.

Корги замер на полушаге. Из глубины его пушистой белой груди вырвался глухой, предостерегающий звук:

— Буф!

Шерсть на загривке пса встала дыбом, а передние лапы начали медленно пятиться. Миша удивленно моргнул. Прямо у него на глазах сочные малиновые ягоды за долю секунды побелели. Тонкая паутинка синего колючего инея с сухим шелестом побежала по стеблям, превращая нежные листья в хрупкие хрустальные пластинки. Морозное дыхание севера коснулось лица, выбивая из носа Миши облачко густого пара.

Миша застыл, подсвистывая сквозь зубы от невероятного зрелища. В самый разгар тридцатиградусного июля его собственное дыхание завивалось белыми колечками прямо над цветущими оранжевыми бархатцами.

Хрусь!

С верхушки заиндепевшей березы прямо в клумбу кубарем скатился пестрый ком перьев. Белобокая птица сердито замахала крыльями, подняв в воздух вихрь ледяных иголочек, и взгромоздилась на штакетник. На ее левой лапке болтался криво завязанный браслет из бересты.

— Стреке-ке! Чепуха на постном масле! — истошно затрещала сорока Глафира, склоняя голову набок и сверкая черным круглым глазом. — Спасайся, кто может! Уши в трубочку, хвост пистолетом! Зима среди лета! Студенец спустился с ледяных гор!

— Какая еще зима? — Миша спрятал озябшие пальцы в просторные карманы худи.

— Лютая! Синяя! Беспощадная! — птица нервно щелкнула клювом, переступая с лапы на лапу. — Быстринку за-

↗ Студенец (Хранитель
Ледяного Сердца)

ковало в трехметровый лед! Рыбы в стекле застыли, лягушки в ледышки превратились! На Золотой Иве у плотины осталось всего девять согревающих листьев! Опадут — и всё! Мороз накроет деревню, а дух заморозит даже чай в бабушкином самоваре!

Бублик жалобно заскулил. Пес вплотную прижался к джинсовым шортам Миши и уткнулся мокрым носом прямо в край штанины, изо всех сил подталкивая мальчика обратно к спасительному крыльцу. Оттуда все еще маняще тянуло печным дымком и сдобной земляникой.

↗ Бабушка Полина

Тропинка за калиткой стремительно темнела, затягиваясь сизым туманом, из которого доносился глухой треск мерзнующих стволов. Одному идти в этот незнакомый сумрак было жутко до дрожи в коленях. Но если повернуть назад, холод доберется до бабушкиных грядок, до теплых половиц и до самого крыльца.

Миша стиснул пальцы в кармане. Ладонь нащупала ребристый бок старого карманного

фонарика. Батарейка в нем была слабой, но стекло хранило крошечный луч домашнего света.

— Исследователи не прячутся под кроватью, — тихо сказал мальчик, посмотрев на испуганного корги. Затем он опустился на корточки и крепко обнял пса за шею, утыкаясь носом в густой воротник. — Любопытный нос темноты не боится! Слышишь, Бублик? Мы только посмотрим. Честное-пречестное.

Пес тяжело вздохнул, тихонько ткнулся лбом в щеку мальчика и с явной неохотой переступил короткими лапами.

Миша поправил ремешок туеска с пирожками, шагнул вперед и толкнул калитку. Деревянная створка звякнула тонкой ледяной корочкой и со скрипом распахнулась. В ту же секунду с далекой лесной поляны донесся чистый хрустальный звон — это упал на замерзшую траву первый золотой лист. До полудня нужно было успеть к реке, пока морозная сту-

жа навсегда не поглотила теплый дачный мир. Мальчик и
собака ступили на звенящую тропинку.

ГЛАВА 2

Тайна сонной Быстринки

Тропинка вывела их к пологому обрыву, где еще вчера лениво плескалась Быстринка. Теперь русло молчало. Миша замер на краю, натянув капюшон шалфейного худи до самых бровей. Вся река превратилась в толстое сизое

стекло. В прозрачной глубине неподвижно повисли изумрудные пряди водорослей. Чуть глубже, распушив стеклянные плавники, навеки застыли серебристые плотвички. Ни всплеска, ни теплой речной пены не нарушало этот странный покой.

Вдруг сосновые верхушки со звоном качнулись, осыпая берег колючим серебром. Из морозного тумана над стремниной поднялся ледяной исполин. Казалось, вековая замшелая береза очнулась от зимнего сна. Борода его струилась хрустальными сосульками, а ледяной посох ударил в наст с гулким треском:

— Стой, дерзкий смертный!.. Ответь духу, коль хочешь растопить хрусталь!.. — Голос Студенца перекачивался над замерзшей гладью, подобно грохоту речных льдин весной. — Что бежит без ног, звенит без бубенцов, а как застынет — прячет под стеклом живое сердце?.. Отвечай наве-е-ечно!..

Миша приоткрыл рот, судорожно сжимая кулаки в карманах. Но рядом раздался звук, совершенно неуместный посреди древнего заклęcia.

— Пых-пых! — нетерпеливо засопел Бублик.

Корги вытянул шею, жадно шевеля черным носом-пуговкой. По зеркальной поверхности реки Студенец рассыпал россыпь бледно-розовых сосулек. Они обманчиво благоухали бабушкиным печеночным паштетом — так вкусно и густо, что собачья душа не выдержала. Забыв про древнего духа, Бублик прижал уши и рванул вниз по глинистому откосу.

— Бублик, стой! Назад! — закричал Миша, бросаясь следом.

Было поздно. Лапки пса коснулись ледяной глади, и вся царственная осанка корги испарилась в долю секунды. Короткие белые лапки разъехались во все четыре стороны. Бублик плюхнулся на сытое пузо и, оглашая хрустальную долину паническим перезвоном медного колокольчика, понесся по гладкому речному льду на животе, растопырив короткие белые лапки как пушистый рыжий уют.

Лед нес его с неумолимой быстротой. Впереди чернел речной разлом — глубокая полынья, над которой курился гибельный ледяной пар. Бублик закрутился волчком, отчаянно пытаясь затормозить ушами и когтями. Когти бесильно скребли по зеркалу, высекая стеклянную крошку.

— Буф-ф! — в ужасе тявкнул пес, беспомощно глядя на Мишу.

Мальчик понял: бежать по такому льду нельзя, ноги тут же подкосятся. Миша приставил два пальца к губам и изо всех сил, пронзительно свистнул сквозь щербинку между зубами. Этот дачный сигнал пес знал наизусть: «Ко мне! Замри!». Бублик мгновенно распластался по льду, втянув голову в рыжие плечи, и скольжение чуть замедлилось в метре от черной бездны.

Миша выпрямился во весь рост и звонко крикнул прямо в морозную бороду духа:

— Это река! Живая вода нашей Быстринки! Она бежит, звенит, а под твоим стеклом всё равно прячет живое сердце!

Студенец глухо заскрежетал берестяной корой, взмахнул широким морозным рукавом и растворился в белесой поземке. Но ледяные оковы не спали. Посередине застывшей реки с треском разбежалась лишь тонкая змейка. Узкий ручеек живой воды зажурчал, пробивая панцирь, однако остальной наст остался крепким и скользким как полированный гранит. Бублик по-прежнему лежал в ледяной ловушке, мелко дрожа и боясь пошевелить хвостом.

Миша опустился на колени. Ледяной наст нестерпимо жег сквозь джинсовую ткань шорт, но мальчик не обращал внимания на холод. Он скинул с плеча берестяной туесок, торопливо отстегнул плетеный кожаный ремень и пополз вперед, осторожно распределяя вес.

— Держись, Бублик! Я здесь! — приговаривал он охрипшим голосом.

Синие водонепроницаемые кроссовки находили крошечные ледяные зазубрины. Под животом Миши лед угрожающе звенел тонкими стеклянными трещинками. Мальчик вытянул руку и хлестко бросил конец прочного ремня вперед. Плетеная полоска упала прямо перед носом корги.

— Хватай зубами! Намертво!

Бублик не заставил себя просить дважды. Клацнули крепкие собачьи зубы, намертво смыкаясь на сыромятной коже. Миша уперся носками обуви в шершавую кромку берегового тороса и начал медленно подтягивать собаку к себе. Мышцы рук гудели от напряжения. Пушистый «утюг» неохотно, сантиметр за сантиметром, двигался прочь от чернеющей промоины.

Наконец Миша схватил пса за теплый, пахнувший домом загривок. Он перекатился на спину, втаскивая перепуганного корги на плотный береговой наст. Пес немедленно принялся горячо и мокро вылизывать мальчику нос и веснушчатые щеки, яростно виляя всем задом от неземной радости избавления.

— Живой, чучело ты рыжее, — Миша спрятал зябнувшие пальцы в густую шерсть друга, жадно переводя дух.

Тень с неба упала на снег с резким трескучим криком:

— Стреке-ке! Беда! Опоздали, доигрались в спасателей!

Сорока Глафира

Глафира спикировала на заиндевевший ивовый куст, судорожно дергая лапкой с берестяным браслетом. Высоко над плотиной раздался протяжный звон, похожий на падение двух тонких хрустальных бокалов. С ветвей Золотой Ивы один за другим сорвались второй и третий золотые листья.

Они вспыхнули в воздухе крошечными искрами и угасли на ледяном настe.

— Всего шесть! — запричитала сорока, панически хлопая крыльями. — Всего шесть листочков осталось на макушке!

Миша поднял глаза к небу. Полуденное солнце больше не грело. Сизый морозный морок тяжелым пологом затягивал речную долину, скрадывая привычные очертания мостков и лодок. Свет стремительно мерк, превращаясь в призрачные, колкие сумерки. Впереди, где река скрывалась за поворотом, глухой стеной вырастал застывший ельник. Ледяные черные тени Теневого Бора сомкнулись над хрустальным берегом, окончательно отрезая путь назад.

ГЛАВА 3

Тропа в Теневой Бор

Миша вытащил из кармана шалфейного худи круглый латунный фонарик. Пальцы едва слушались от колючей стужи. Щелкнула тугая кнопка, и мерцающий янтарный луч вспорол густую синеву ельника. Под этим дро-

жащим светом замерзшие ветви казались колючей железной проволокой. Тонкая ледяная паутина оплетала тяжелые лапы вековых сосен, отбрасывая на серебряный наст причудливые изломанные тени.

Бублик семенил вплотную к мальчику, поминутно оглядываясь. Медный колокольчик на синем ошейнике звякал всё глуше, забиваясь морозной крупой. Корги смешно поджимал то одну переднюю лапу, то другую: ледяная корка немилосердно колола нежные подушечки.

— Держись ближе, дружище, — прошептал Миша, стараясь говорить бодро, но голос предательски дрогнул. — Мы только найдем дорогу к Иве. Мы живо.

В глубине чащи с сухим треском качнулись ледяные папоротники. Звон стоял такой, словно в сугроб высыпали ведро битого оконного стекла. Сизый туман за клубился вокруг их ног, обжигая щиколотки нестерпимым жаром стужи.

Прямо из морозного морока выступил Студенец. Казалось, ожил древний замшелый березовый ствол. Длинная

борода духа шуршала сосульками, а ледяные глаза смотрели без гнева, но с бесконечной, давящей пустотой.

Посох духа ударил в промерзшую землю. Гул прокатился по корням, заставляя верхушки елей ронять хрустальные иглы.

— Ты спас реку, малец, но бор не отпустит вас просто так, — скрипуче заговорил Студенец. Голос его напоминал треск сухого льда на речном плесе. — Слушай вторую загадку, коль хочешь пройти к исходу дня... Что в полдень не отбрасывает тени, светит во тьме без огня и делает маленького великаном?... Отвечай наве-е-ечно!..

Сверху испуганно заверещала Глафира:

— Стреке-ке! Беда-беда! Уши в трубочку, голова кругом! Не зевай, Мишка, думай скорее!

Миша лихорадочно перебирал в голове всё, о чем читал в детских энциклопедиях. Зубы выбивали мелкую дробь, капюшон сполз набок, открывая взъерошенные кудри.

— Это... это костер в лесу! — выпалил он, шагнув вперед. — Он светит, и искры летят!

Студенец медленно покачал головой. Потрескавшаяся берестяная кора на его щеках лишь глубже прорезалась синими морозными трещинами.

— Костер оставляет черную золу и пожирает ветви... Ложь.

— Тогда солнечный зайчик! — мальчик отчаянно под-
свистнул сквозь щербинку между зубами. — Или вот, кар-
манный фонарик! Он же в руке горит, и тени от него
огромные!

Ледяной исполин молчал. В этом молчании слышался
лишь скрип застывающей смолы.

Вдруг стекло фонарика в Мишиной руке издало тонкий
жалобный звук: дзинь. Янтарный луч испуганно моргнул
раз, другой, вспыхнул ослепительно ярко и бесповоротно
угас. Маленькая батарейка сдалась лесному холоду.

Черная, непроглядная тьма рухнула на ельник, словно
тяжелое ватное одеяло.

Мишин вздох застрял где-то между ребер. Давний, до
боли знакомый страх, от которого мальчик всё лето пря-
тался под лоскутным бабушкиным одеялом, впился в
грудь ледяными когтями. Ноги мгновенно одеревенели,
сделавшись чужими и тяжелыми, как бревешки. Черные

силуэты елей над головой сжались в непроницаемый шатер, скрывая даже бледный отблеск неба. Показалось, будто сама темнота протягивает мохнатые лапы к его плечам.

— Я не... я просто... — пролепетал он в пустоту, но слова утонули в гулком мраке.

Колени подогнулись сами собой. Миша бессильно осел на колкий ледяной мох, натягивая рукава шалфейного худи на самые ладони и зажмурившись изо всех сил.

— Буф-ф! — глухо донеслось откуда-то снизу.

В застывшую от холода Мишину ладонь ткнулось что-то круглое, шершавое и невероятно горячее. Мокрый нос-пуговка настойчиво протиснулся прямо под сжатые пальцы. Бублик часто задышал, обдавая озябшую кожу теплым парным дыханием, и нетерпеливо запыхтел: «пых-пых!». Этот звук был самым уютным на свете. Он пах солнечной верандой, деревянными ступеньками и спокойствием.

Пес навалился всем своим упитанным боком на Мишины колени, настойчиво напоминая: он здесь, он рядом, и ему тоже не по себе, но убежать он никуда не собирается.

Миша открыл глаза. Тьма вокруг никуда не исчезла, но перестала казаться бесконечной. Мальчик глубоко вдохнул морозный воздух, нащупал рядом берестяной туесок и распахнул крышку. Пальцы наткнулись на кусок промасленной бумаги.

Бабушкин пирожок всё еще хранил слабое дачное тепло. Миша разломил румяную корочку пополам. По ледяной чаше поплыл нежный, сводящий с ума дух спелой полевой земляники и сладкого теста. Бублик шумно втянул воздух, на мгновение позабыв про стужу, и деликатно принял свою половину с ладони мальчика. Они жевали вместе, слушая хруст лесных веток под невидимым ветром, и с каждым сладким глотком оцепенение отступало.

Глаза постепенно привыкли к темноте. Чаша больше не была сплошным черным пятном. Миша поднял голову и вдруг замер.

В трех шагах от них стоял Студенец. Сквозь полупрозрачную берестяную кору и серебристый наст на груди исполина пробивалось слабое свечение. Там, в самой глубине ледяного сердца, неровно пульсировал крошечный оранжевый уголек — след давнего огня, согревавшего когда-то древний лес. Дух не был сделан из одной лишь веч-

ной мерзлоты. Он просто прятал свою память под панцирем, боясь новой раны.

Миша медленно поднялся на ноги. Он положил руку на пушистый загривок корги, чувствуя мерный стук маленького собачьего сердца. И вдруг ответ на загадку стал ясным и простым, как дачное утро. Настоящий свет не прячут в стеклянных лампочках.

Мальчик расправил плечи и звонко, на весь притихший бор, крикнул:

— Это дружба и верность! Любовь! Она светит во тьме без всякого огня, в полдень у нее нет тени, а любого мальчишку или маленькую собаку делает великаном, потому что ради друга ничего не страшно!

Студенец дрогнул. Оранжевый уголек в его груди на миг вспыхнул жарче, озарив ледяную поляну мягким золотистым отсветом. Тени с испуганным шелестом метнулись прочь. Густые лапы вековых елей нехотя расступились, открывая широкую просеку, ведущую прямо к высокому речному холму. Там, над застывшей плотиной, слабо мерцала крона Золотой Ивы.

— Чепуха... Смертная слабость... — глухо прохрипел дух, но в его трескучем голосе впервые прозвучала растерянность.

В следующую секунду ледяной исполин пришел в ярость от того, что смертный ребенок сумел заглянуть под его броню. Студенец с грохотом обрушил посох оземь.

Хрустальный раскат прокатился над вершинами деревьев. До ушей Миши долетел тройной пронзительный звон с плотины — тонкий и жалобный. С ветвей Золотой Ивы один за другим сорвались сразу три золотых листа, рассыпавшись искрами на ветру.

На кроне великого дерева сияли теперь лишь три последних огонька.

ГЛАВА 4

Испытание хрустальной бурей

Миша и Бублик выскочили на широкую речную поляну, где морозный морок сгустился до звонкой синевы. Посреди белого безмолвия высилась древняя Золотая Ива. Ее могучие ветви клонились к застывшей плотине, роняя тяжелые, ледяные слезы-росинки. Капли звонко разбивались о колючий наст, превращаясь в крошечные стеклянные бусины. На самом верху, среди посе-ребренных веток, чудом теплились всего три согревающих листа. Они трепетали, роняя вокруг кроны слабое золотистое марево.

Бублик смешно заскользил лапами по гладкому торосу, отчаянно загребая когтями и пытаясь удержать важную осанку. Корги нетерпеливо засопел носом-пуговкой: «пых-пых!». Пес прижался боком к колену мальчика в шалфейном худи.

Сверху застрекотала Глафира, заматавшись над их головами:

— Стреке-ке! Уши в трубочку, хвост пистолетом! Три листочка, ровно три!

В тот же миг сухой серебряный наст вспучился. Перед деревом выросла сплошная стена из посиневшего льда и замшелой березовой коры. Студенец расправил плечи, за-слоня великанскую крону. Глаза духа походили на сты-лые озерные омуты. Длинная борода шуршала колючими сосновыми иглами, а из груди сквозь панцирь едва при-метно пробивался крошечный рыжий отсвет.

— Ты дошел до края, малец, — заскрипел Студенец, и голос его прошуршал, словно сухие листья под ледяным ветром. — Слушай же последнюю тайну. Что способно со-греть вечный лед, не уничтожив его огнем и не оставив после себя черной гари?.. Назови, или стужа останется здесь навек!

Миша растерянно моргнул. В горле пересохло от мо-розного воздуха. Мальчик судорожно перебирал в памяти бабушкины дачные сказки, треск дров в кирпичной печке и жаркие полуденные грядки со смородиной. Огонь ведь всегда побеждал стужу, разве не так учили взрослые?

— Это легко! — звонко крикнул Миша, делая шаг вперед и пряча озябшие пальцы в рукава худи. — Это летний солнечный жар! Или пламя в печи, самое горячее!

Студенец потемнел, будто грозовая туча. Ледяной по-сох с глухим рокотом обрушился на мерзлую твердь.

— Ложь! — прогремел исполин, и ледяные иглы сорвались с его мантии. — Огонь несет лишь пепел и смерть! Он спалил мою рощу, оставив черную гарь!

Ударная волна прокатилась по стволу великого дерева. Высоко в кроне с протяжным хрустальным стоном отломились сразу две золотые веточки. Седьмой и восьмой листья крутанулись в воздухе, вспыхнули бледными искрами и бессильно упали на серебряный наст, угасая навсегда.

— Беда на постном масле! — в панике заголосила сорока, взмывая к верхушкам елей.

Студенец вскинул узловатые руки. Морозный туман вокруг его пальцев скрутился в ревущий спиральный смерч, ошестинившийся тысячами тонких стеклянных лезвий. Беспощадный круговорот нацелился прямо в грудь онемевшего мальчика.

Миша застыл, не в силах сдвинуться с места. Ноги в синих кроссовках словно вросли в ледяную корку. Острый вихрь с бешеным воем устремился вперед, грозя пронзить шалфейную ткань колючим хрусталем.

Вдруг снизу раздался отчаянный, глухой звук:

— Буф-ф!

Маленький рыжий корги забыл про страх перед трескучими сосульками и высокими сугробами. Бублик взмыл в отчаянном прыжке, выбросив вперед короткие белые лапы. Он приземлился точно перед Мишиными коленями,

закрывая сандалии и ноги мальчика своим упитанным телом.

Ледяная волна с сухим шелестом накрыла собаку.

Миша ахнул, протягивая руки, но было поздно. Рыжая густая шерсть на глазах побелела от колючего инея. Пышный белый воротник мгновенно остекленел, превратившись в твердую ребристую броню. Коротенькие лапки намертво впаялись в промерзший наст. Бублик так и остался стоять в грозной защитной стойке, с поднятыми лисьими ушами и храбро задранном носом. Только глаза его, круглые и темные, застыли под прозрачной ледяной глазурью.

Крошечный латунный колокольчик на синем ошейнике издал тоненький хрустальный звон: дзиньк. Звук дрогнул и навеки умолк под толстой коркой льда.

Смерч распался на мелкие белые хлопья. На поляне воцарилось мертвое, гулкое безмолвие.

— Бублик?.. — Мишин голос сорвался на сиплый шепот.

Мальчик рухнул на колени прямо на острый лед, не чувствуя боли. Пальцы судорожно коснулись оледеневшего носа-пуговицы, но под ладонью был лишь неживой, скользкий холод. Пес не сопел. Пышный рыжий загривок

не источал больше уютного дачного тепла. Ни один волосок не шевелился на застывшей собачьей мордочке.

Горячие слезы хлынули из Мишиных глаз, оставляя на щеках жгучие дорожки и замерзая круглыми градинами на воротнике кофты. Мальчик уткнулся лбом в твердую ледяную холку верного друга, содрогаясь от беззвучных рыданий. Это он ошибся. Он назвал духу огонь, забыв обо всем на свете.

Студенец возвышался над ними безмолвной серебряной скалой. В морозном оцепенении древний дух опустил свой посох, бесстрастно глядя на распростертого на снегу ребенка.

А высоко над их головами, на самой верхушке согнувшейся Золотой Ивы, едва заметно мерцал ровно один, последний золотой лист. Он дрожал под налетающим ветром, готовый сорваться и угаснуть от любого случайного шороха.

ГЛАВА 5

Огонек золотой ивы

Миша шмыгнул носом и вытер мокрые щеки рукавом шалфейного худи. Ткань намокла, пахла дождем и бабушкиным вишневым вареньем. Сквозь мутную пелену слез мальчик посмотрел на остекленевшую рыжую

мордочку. Одно бархатное ухо Бублика так и осталось забавно заваленным набок, словно пес даже во льду прислушивался к шорохам мышей.

Мальчик поднялся на дрожащие ноги. Колени саднило, но он расправил плечи и заслонил собой окаменевшую собаку. Внутри больше не осталось места для мелких детских обид.

— Любопытный нос темноты не боится! — шепнул Миша прямо в стылый воздух, и его голос окреп. — И холода не боится, понял ты?!

Он сунул руку в глубокий карман и нащупал там раскрошившийся кусок бабушкиного угощения. Пальцы сжали сладкую румяную корочку, согревая ее в кулаке. Миша набрал полную грудь ледяного воздуха и с отчаянной, пронзительной силой свистнул ветру.

Звонкая трель взвилась над замерзшей поляной. Студенец вздрогнул всем своим берестяным телом. Свист метнулся к груди великана, и там, под толстым слоем синего намораживания, яростно запульсировал древний уголек. Оранжевый всполох пробился сквозь трещины в коре, заливая снег вокруг мягким теплым сиянием. Ледяной исполин покачнулся и медленно опустил тяжелый посох.

Миша шагнул прямо в стылую тень духа, не отводя взгляда от бездонных глазниц.

— Лед топит не огонь! — крикнул мальчик, и слова его звенели колокольцами. — Лед топит живое сердце, которое готово мерзнуть вместе с другом, лишь бы тому было тепло!

Студенец замер, широко раскрыв ледяные глаза. В них дрогнула вековая стылость.

Миша развернулся и бросился обратно к Бублику. Он упал на колени, крепко обхватил руками неподвижную ледяную шею и прижался горячей щекой к заиндедевшему пушистому носу. Слезы ручьями потекли по мальчишеским веснушкам прямо на прозрачную корку, обжигая мороз живым человеческим горем.

Хрупкая броня под Мишиными ладонями пошла паутиной трещин. Раздался тонкий хрустальный звон, похожий на перезвон сосуллек на дачной крыше в капель. Ледяной панцирь брызнул в стороны крошечными алмазными каплями.

— Апчихи! — оглушительно чихнул Бублик, вздымая белые фонтанчики талой воды.

Рыжий корги яростно замотал головой, разбрызгивая капли вокруг себя. Медный бубенчик на лазоревом ошейнике радостно звякнул, оживая. Не помня себя от счастья, пес навалился теплым пузом на Мишину грудь, сбил мальчика на мягкую прелую траву и принялся исступленно вылизывать его нос, щеки и щербинку.

— Живой! Бублик, щекотно же! — заливисто хохотал Миша, зарываясь пальцами в нагревающуюся рыжую шерсть.

Студенец перед ними начал стремительно меняться. Колючие сосульки в его бороде оплывали чистой речной влагой, синяя береста мягчала, наливаясь цветом спелого орешника. Великан уменьшился, превращаясь в невысокого, уютного дедушку-лесовика в шубе из зеленого бархатного мха. Старик улыбнулся добрым беззубым ртом и легонько дунул на верхушку Золотой Ивы. Последний золотой лист вспыхнул, рассыпая по всей поляне кружащуюся живительную пыльцу.

Река Быстринка с гулким треском взломала хрустальный панцирь. Бурные потоки весело устремились вперед, смывая последние льдинки. По берегам с тихим шорохом

распрямлялись изумрудные папоротники, жадно подставляя резные листья возвращенному солнцу.

— Стреке-ке! — пронеслась над ними Глафира, сверкая синим пером. — Чепуха растаяла! Хвост трубой!

Миша и Бублик вихрем выскочили на лесную тропинку. Пес победно скакал впереди, смешно виляя всем упитанным задом и то и дело оглядываясь на хозяина.

Мальчик с разбегу распахнул скрипучую деревянную калитку дачного двора. В нос сразу ударил густой, знакомый с рождения запах нагретых солнцем сосновых досок, смородинового листа и молодого укропа.

На веранду с тяжелым глиняным блюдом, полным румяных ватрушек, как раз выходила бабушка Полина в своем солнечном фартуке.

— Батюшки-светы! — всплеснула она свободной рукой. — Мишенька, касатик мой, где же вы с Бубликом пропадали? А ну бегом мыть руки, пироги стынут!

Миша звонко свистнул ветру и посмотрел на темный, сырой угол под сараем. Никаких чудищ там не пряталось — только старая дедушкина лейка да прошлогодние стружки. Он шагнул по теплым ступенькам на крыльцо. Над рекой Быстринкой сияла двойная радуга, шмели сно-

ва гудели в малиннике, а на дощатом столе Мишу ждал самый сладкий в мире пирог.

Благодарности

Эта сказка ожила благодаря нашему главному вдохновителю — нашему сыну Мише. Спасибо за твои горящие глаза, неиссякаемое любопытство и храброе сердце, в котором всегда горит огонек любви к приключениям. Спасибо нашему забавному корги Бублику за неугомонный хвостик, преданность и готовность сопровождать нас в любой чащобе. Спасибо бабушке Полине за уютные дачные чаепития и самые вкусные ватрушки, без которых никакое лето просто немыслимо. Создавать этот волшебный мир для тебя было настоящим счастьем, и мы верим, что никакие холода никогда не погасят тепло твоей души.

~ Мама и папа

Миша, Бублик и Хранитель Ледяного Сердца

Автор: **Мама и папа**

Написано с любовью для Миши на его 7-летие

Октябрь 2026

